

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

SOCIAL SCIENCES

УДК 81.0

Мерекина Е.В., канд.филол.наук, ДальГАУ

КУЛЬТУРНАЯ КОНСТАНТА СВОЙ-ЧУЖОЙ КАК ОСНОВА АМБИВАЛЕНТНОЙ ФУНКЦИИ КУЛЬТУРЫ ЭВЕНКОВ

В статье затрагивается лингвистический аспект существования таких констант культуры, как «свой» и «чужой», в маргинальном миноритарном языке. Тема «своего» и «чужого» в эвенкийском языке была раскрыта через рассмотрение терминов родства, терминов для обозначения этнической принадлежности, ономастики и т.д.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: ЭВЕНКИЙСКИЙ ЯЗЫК, ЭТНИЧЕСКАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ, НАЦИОНАЛЬНОЕ СОЗНАНИЕ, КОНСТАНТА «СВОЙ-ЧУЖОЙ»

Mererkina E.V., Cand. Philol.Sci, FESAU

CULTURAL CONSTANTS “ONE’S”-“FOREIGNER” AS THE BASIS OF THE AMBIVALENCE CULTURE OF EVENKS

The article deals with the linguistic aspects of using such cultural constant as “One’s”-“Foreigner” in marginal and minorital language. The evenk conception “one’s and foreigner” was described through ethnic and related membership, name and confirm through experiment.

KEY WORDS: EVENK LANGUAGE, ETHNICITY, NATIONAL CONSCIOUSNESS,
CONSTANT “ONE’S”-“FOREIGNER”

Для лингвистики второй половины XX века характерен повышенный интерес к исследованию взаимосвязи языка и духовной нации, что послужило основанием к становлению лингвокультурологии – «... научной дисциплины, исследующей воплощенные в живой речи национальный язык, материальную культуру и менталитет» [13]. Лексика выступает в роли пласта, насыщенного культурной информацией о жизни народа, способного отражать различного рода отношения с представителями другого этноса, тем самым фиксировать свое и чужое.

В процессе межкультурного диалога происходят коллизии двух национальных сознаний: в конфликт вступают *свои* и *чужие* когнитивные, эмотивные и аксиологические установки [10, С.27-29]. Оппозиция *свой-чужой* как постоянный принцип культуры существует в основе этнического самосознания, формирует коллективное, массовое, народное мироощущение [11, С.84, 126 – 143].

Иными словами, культурная константа *Свой-Чужой* составляет основу амбивалентной функции культуры, одновременно являющейся дифференцирующим и интегрирующим признаком этноса.

В системе бинарных оппозиций, лежащей в основе модели мира, культурная константа *Свой-Чужой* занимает особое место: «является исторически более новой, не получившей однозначного решения. Это связано с тем, что рассмотрение противопоставления требует обращения к особенностям мировоззрения этноса». А также с тем, что «эта сфера такая, где само противопоставление создается не только объективными данными, но и субъективным отражением сознания» [11, С.127].

Окружающая действительность воспринимается человеком, прежде всего, как пространство и классифицируется на основе архетипических представлений о его структуре с помощью оппозиций *верх-низ, правый-левый, близкий - далекий* и т.п. Модель мира развивается и усложняется в результате категоризации природного и социального пространства на основе еще одного ряда бинарных оппозиций: *жизнь-смерть, природо-культура, мужской - женский, старший - младший* и т.п. [14, С.5].

«Осознание *особости, отдельности* актуализирует универсальную семантическую оппозицию *свой - чужой*, которая может интерпретироваться в социальном, профессиональном, территориальном планах. При этом представитель этнического

самосознания осознает свою принадлежность к определенной группе (семье, деревне, нации), к определенной территории (пространство дома, деревни, края) и т.д. Являясь носителем коллективного сознания, хранителем родовой памяти, человек осваивает мир, отделяя *свое* – обжитое, понятное, от *чужого* – далекого, неизвестного, осознавая при этом личную причастность к миру, в котором он живет» [9, С.149].

Попытка определить универсальную модель этих отношений сводится к общности в социальном отношении, в принадлежности к вероисповеданию, в среде обитания и находит экспериментальное подтверждение и отражение в лексической системе эвенкийского языка.

Эксперимент по определению национальной специфики в структуре константы *Свой-Чужой* проводился в два этапа среди 30 представителей эвенкийского этноса без учета возрастных, социальных и гендерных особенностей в местах их компактного проживания на территории Амурской области (с. Первомайское и с. Усть-Нюкжа Тындинского района).

Первый этап был направлен на выявление реального содержания константы в сознании эвенков и осуществлялся посредством метода субъективных дефиниций. Им предлагалось продолжить фразы: *свой* – это ...; *чужой* – это ....

На втором этапе определялись условия перехода одной из единиц в другую. Реципиенты должны были назвать ситуации, когда *свой* становится *чужим*.

Затем методом ранжирования компонентов по яркости определялись компоненты, наиболее важные для сознания испытуемых.

В результате анализа субъективных дефиниций выявлены компоненты значения культурной константы. *Чужой* для представителей эвенкийской народности – это, в первую очередь, *дальний (далекий)* (5), *который сделает тебе плохо* (4), *человек, которого не знаешь* (3), *который все время ходит злой и раздражительный* (3), *который не понимает* (3), т.е. человек, который не отвечает национально-психологическим и коммуникативным особенностям. К уже перечисленным можно добавить еще ряд значений: *соседи* (2), *с которым не общаешься* (2), *которого не понимаешь* (2), *плохой* (2), *которого не знаешь, а если знаешь, то плохо* (1), *не близкий по общению* (1), *которому не можешь поверить* (1), *другого рода* (1), позволяющий репрезентировать несоответствие по кровной принадлежности, эмоциональным свойствам.

В противоположность чужому *своими* являются *родной (родители)* (6), *родственники* (4), *близкие по душе* (4), *друг (друзья)* (4), *хорошо знакомые* (3), *человек, который тебя понимает* (3), *если ему можно верить* (3), *тот, который все время со мной* (3).

В лексической системе эвенкийского языка зафиксированы следующие наименования для обозначения людей подобного рода: *мутни*, *мэнни* 'свой', *акāде* 'сородич', 'дядя'; *албату* 'родня', 'сородичи', *дя*, *хā* – 1) кровный родственник, сородич; 2) друг, товарищ; *андагй* 'спутник', 'друг', 'товарищ'; *андакчāн* 'дружок'; *гē II* 'друг', 'товарищ'; *хэнгэ II* 'товарищ'; *дерки* 'друг', 'товарищ' и т.д.

Определенная степень родства, соответствие по родовому признаку, наличие дружественных отношений не являются константными в принадлежности *свой*, поскольку различные ситуации, а к таковым относятся *предательство*; *обида*; *когда пожадничает*; *когда поругаешь, что сделал неправильно*; *обман*; *ссора и непонимание*; *когда не помогает* и т.д., способны изменить данную позицию на полярную.

Ситуация межэтнического общения также позволяет выявить своеобразие самосознания представителя той или иной нации, где происходит деление на *наших* и *не наших* путем противопоставления *своего* и *чужого*. Замечания В.Н. Топорова сводятся к тому, что «каждый народ – осознанно, полуосознанно или неосознанно – несет свою идею, свой мир представлений о другом. И поэтому эти естественные и даже необходимые различия своего и чужого на фоне бесспорно общих задач жизнеобеспечения становятся предлогом, почвой, местом, где начинаются несогласия, различия, споры, ссоры» [14, С. 5].

Представители психологической антропологии определяют противопоставления по нюансам психики и выделяют ряд национально-психологических особенностей: «мотивационно-фоновые особенности, интеллектуальные особенности, познавательные особенности, эмоциональные особенности, волевые особенности, коммуникативные особенности» [12, С. 212 – 213].

Неисчерпаемым источником изучения мировосприятия является анализ фольклорных источников и запись речи людей, находящихся в относительной замкнутости и сохранивших свои представления о мире и отношении к нему посредством неписанных правил и запретов. Компактность проживания, относительная удаленность от крупных населенных пунктов, со-

хранение традиционного уклада жизни, опирающегося на взаимодействие человека и природы и настроенное отношение к человеку, чем-либо отличающемуся – основные черты, характеризующие эвенков как этнос. Территориальная и мировоззренческая "отстраненность" позволяет говорить о наличии когнитивной оппозиции *свой-чужой* в этническом сознании.

Лексическая система эвенкийского языка отражает явление данного порядка через лексемы, определяющие *чужого* человека по этнической принадлежности: *луча*, *лõча*, *русский*, *люча* ('русский'); *коряк* ('коряк'), *чукча* ('чукча'), *грек* ('грек'), *грузин* ('грузин'), *ненец* ('ненец'), *американец* ('американец'), *нанай* ('нанаец', 'гольд'), *юраки* – ('название енисейских эвенков'), *япэн Сх* ('японец'), *яко* – ('якут'), *эвэмҥу Дж*, Слмд, 3 (Ам) ('эвенкийка') и т.д. Стоит отметить, что существование дуплетных форм (эвенкийской лексики и русской, заимствованной в состав лексической системы эвенкийского языка) при обозначении представителя другой национальности – это свидетельство более тесного взаимодействия эвенков с данными этносами. К таковым можно отнести: *гилякэ* ('гиляк'); *бореймнй* ('бурятка'); *борейнгун* ('бурят'); *луча*, *лõча*, *русский*, *люча* ('русский'); *эвэн* ('эвен') и т.д.

Территориальная и социальная отчужденности передаются через имянарекание и репрезентируются именами-этнонимами: *Чукчэжэн* (от *чукча* 'чукча'), (*Баргйдак* (от *барги* 'с того берега'), *Маталак* (от *мата* 'чужеродец'); *Маманак* (от *манми* 'с собой', 'свой'), *Дюдювул* (от *дюдюви* 'у себя, дома') и др.; именами социальными характеристиками: *Бэлэден*, *Болодлн* (от *бэлэ* 'помощник'), *Абулāk* (от *абулдьяран* 'бедная'), *Догордус* Ие ('друг', 'товарищ') и др.

Язык выполняет *социоидентифицирующую, социопознавательную, социоразличительную* функции. Согласно В. фон Гумбольдту, человек «... очерчивает круг своего духовного родства, отделяет тех, кто говорит, как он, от тех, кто говорит иначе. Эта черта, разделяющая все человечество на два класса – свой и чужой – есть основа всякой первоначальной общественной связи» [5]. Отсутствие духовного родства становится причиной неприятия человека с позиции несоответствия устоявшемуся стандарту – стереотипу.

В отечественном языкознании в качестве основной оценки сложившейся оппозиции принята точка зрения Л.Н. Гумилева, которая на первый план выдвигает стереотип поведения этноса, а не язык и происхождение как основу противопоставления и определения этноса для

него самого и отделения *чужого*: «феномен этноса это и есть поведение особей, его составляющих» [6]. Г.В. Старовойтова отмечает: «Эти данные заставляют нас прийти к выводу, что обыденное этническое сознание довольно отчетливо разделяет этноспецифические модели поведения и "глубинные" этнопсихолингвистические особенности (черты характера и т.п.). При этом поведение (наряду с языком общения), здравый смысл относятся к внешним этническим свойствам, утрата которых еще не ведет к окончательной потере этнической идентичности; ее основы коренятся глубже» [цит. по: 11, С.128].

Постоянная попытка найти отличительные черты не только в поведении, но и в поступках *хунтэжэ* ('чужого человека'), *хунту Дж*, Слмд, 3 (Ам) 1) 'другой', 'иной'; 2) 'чужой' находит отражение в *словарных статьях*: *Эр экума-вал хунту бэе бичэн* 'это был какой-то чужой мужчина'; *Би-кэ хунту бисим* 'ведь я посторонний', *хунтулду эвкэ ивуврэ* 'посторонним вход воспрещен'; *Эду хактырама, тарит хунтул буручивкил* 'здесь очень темно, поэтому чужие падают', а также во *фразеологизмах*: «*Эвэнкй – кэт чикэнин кэтэ, луча-кэт чикэнин кэтэ* 'на свете много разных людей' (по национальности); *Сү д'улэхун – суннй, бу д'улэвун – мундү бигин* ('Вы делайте по-своему, мы – по-своему', досл.: 'Вам перед – ваш, наш перед пусть у нас будет'); *Д'ур халгалкән, д'улакин дэрэлжэн урәнкай эвэнкй бивкй-вёт* ('Бывает настоящий (истинный) эвенк', досл.: 'Двуногий, с голым лицом уранкай-эвенк бывает')» и т.д. [3].

Чужой (*буварванкур С-Б* 'чужестранец' (букв. 'заморский'; *поуту* Мнгр 'инородец'; *москвалан* 'житель Москвы') может отличаться и по внешним признакам: *каптама* 'плоский'; *каптама онгокточй* разг. 'плосконосый' (так называют себя эвенки в противоположность *игоним онгокточй* 'длинноносый' - о русских); *нгбним онгокточй* – разг. 'длинноносый' (прозвище для русских в противоположность *каптама онгокточй* 'плосконосый'); *Ичэнэв – бэйдук хунту: умун ёначй, умун халгачй* 'посмотрел (я) – (он) по сравнению с человеком иной: с одним глазом, с одной ногой'.

Родовая принадлежность эвенков, несмотря на соответствие по этническому принципу, может быть положена в основу разделения на *наших - не наших* и появления следующих элементов характерологической лексики: *нимак* 'человек из другого рода', 'чужеродец'; *мата* – 1) 'чужеродец'; 2) 'сосед', 'гость'; 3) 'незнакомец'; *кари* I Нрч 'чужой', 'неизвестный'; *баргинан Дж*,

З (Ам), Слдем – 'жители на противоположной стороне реки'; *Аулгак* Дж, З (Ам), Слдем 'сосед по дому' и т.д. И, как следствие, появление фразеологических единиц: *Таварвахин куртук чэчэтин!* (Да это же человек из рода Куртук'); *Ёма бугалдук иснәрэн?* ('Откуда родом? Откуда взялся?') Досл.: 'Из какой земли пришел').

Оппозиция *свойственности-чуждости* как составляющая картины мира эвенков, наряду с дихотомиями *человек-природа*, *человек-соплеменники*, складывается из следующих отношений: соответствие-несоответствие по территориальному, социальному признакам; соответствие-несоответствие этнического самосознания и поведения; наличие степени родства и дружественных отношений; духовной близости или ее отсутствие, сохраняя аксиологическую направленность.

«Выраженный аксиологический характер константы *Свой-Чужой*, по-видимому, обусловил ее особое место в модели мира на аксиологической оси. Социальный и природный миры, прежде всего, категоризируются на *свой* и *чужой*, причем содержание образа *свой* может варьировать в зависимости от того, что включено в образ *чужой*, иными словами, можно полагать, что первичным (исходным), детерминирующим содержание образа *свой* является содержание образа *чужой*. В этом смысле образ *свой* является вторичным, подчиненным образу *чужой* одни и те же составляющие могут разномерно входить и в тот, и в другой образ» [7, С. 217].

Оппозиция *свой-чужой* несет выраженную аксиологическую направленность: *свое* - значит хорошее, правильное, естественное, необходимое, *чужое* - наоборот. Таким образом, оппозитивность межкультурного диалога проявляется в эксплицитном или имплицитном стремлении участников коммуникации защитить свои «точки зрения», совместить и согласовать *свое* и *чужое*, зачастую исходя из недооценки *чужого* и переоценки *своего* [10, С. 3 – 9]. Тем самым, «то, что не совпадает, различается в двух национальных сознаниях и культурах – воспринимается как странное, чуждое/чужое, неестественное, неправильное и, как следствие, является причиной непонимания, т.е. делает межкультурное взаимодействие трудным и неэффективным» [7, С. 217].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Болдырев, Б. В. Эвенкийско-русский словарь [Текст] / Б. В. Болдырев. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, филиал «Гео», 2000. Ч.2: Р-Я. – 484с.
2. Болдырев, Б. В. Эвенкийско-русский словарь [Текст] / Б. В. Болдырев. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, филиал «Гео», 2000. Ч.1: А-П. – 503с.
3. Варламова, Г. И. Фразеологизмы в эвенкийском языке [Текст] / Г. И. Варламова. – Новосибирск, 1986. – 80с.
4. Василевич, Г. М. Эвенкийско-русский словарь. С приложением и грамматическим очерком эвенкийского языка [Текст] / Г. М. Василевич. - М., 1958. – 898с.
5. Гумбольдт, В. фон. Язык и философия культуры [Текст] / В. фон Гумбольдт. – М., 1985. – С. 399.
6. Гумилев, Л. Н. От Руси до России: Очерки этнической истории [Текст] / Л. Н. Гумилев. – СПб., 1992. – С. 142.
7. Марковина, И. Ю., Васильченко Т. А. Культурная константа «свой-чужой» на аксиологической оси модели мир: механизмы защиты [Текст] / И. Ю. Марковина, Т. А. Васильченко // Язык. Сознание. Культура: сб. статей; под ред. Н. В. Уфимцевой, Т. Н. Ушаковой. – М.-Калуга: ИП Кошелев (Издательство «Эйдос»), 2005. – С. 217-230.
8. Мыреева, А. Н. Эвенкийско-русский словарь [Текст] / А. Н. Мыреева. – Новосибирск: Наука, 2004. – 798с.
9. Серебренникова, А. Н. Деление на «своих» и «чужих» по этнической принадлежности (лингвокультурологический аспект) [Текст] / А. Н. Серебренникова // Филологические исследования: сб. статей молодых ученых; ред. О. И. Блинова и др.; отв. исполнитель Д. А. Катунин. – Томск: ТГУ, 2000. – С. 149 – 151.
10. Сорокин, Ю. Е. Провинциальные оценочные стереотипы и речевые акты [Текст] / Ю. Е. Сорокин // Провинциальная ментальность России в прошлом и настоящем. – Самара, 1994. – С. 3 – 9, 27 – 29.
11. Степанов, Ю. С. Константы. Словарь русской культуры [Текст] / Ю. С. Степанов. – М., 2001.
12. Столяренко, В. Е., Столяренко, Л. Д. Антропология – системная наука о человеке [Текст] / В. Е. Столяренко, Л. Д. Столяренко: учеб. пособие для студентов вузов. – 2-е изд., перераб. и доп. – Ростов н/Д: феникс, 2004. – 384с.
13. Телия, В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологические аспекты [Текст] / В. Н. Телия. - М., 1996. – С. 216.
14. Топоров, В. Н. Метафора зеркала при исследовании межъязыковых и этнокультурных контактов [Текст] / В. Н. Топоров // Славяноведение. – 1997. – №1. – С. 5.